

РОЗДІЛ I. МАТЕРІАЛИ ДО XVI МІЖНАРОДНОГО З'ЇЗДУ СЛАВІСТІВ
ГРАМАТИЧНА КАТЕГОРИЗАЦІЯ В СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВАХ У ДІАХРОНІЇ ТА СИНХРОНІЇ

Алеш Бранднер

УДК 81-116.3

ФУНКЦИИ РУССКОГО БЕСПРЕДЛЖНОГО ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
НА ФОНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

У російській відмінковій системі знахідний відмінок посідає особливе місце. Він використовується лише у поєднанні з дієсловами. Основною його функцією є вираження прямого додатка у перехідних дієсловах. Знахідний відмінок прямого додатка має свій початок в індоєвропейській мові. Праслав'янська мова і пізніше окремі слов'янські мови успадували цю конструкцію з індоєвропейської мови. Таким чином ми зустрічаємося з нею також у східнослов'янських мовах. На мовному матеріалі зі старої і сучасної російської мов можна продемонструвати специфічні особливості функціонування знахідного відмінка як прямого додатка протягом історичного розвитку.

Ключові слова: простий знахідний відмінок, російська відмінкова система, прямий додаток, перехідні дієслова, історичний розвиток російської мови.

Падеж существует как единица многозначная. Каждый падеж имеет свою систему значений. В системе значений каждого падежа одни значения являются центральными, основными, другие составляют семантическую периферию. Центральные значения, как правило, слабее испытывают на себе лексико-семантические ограничения; значениям, составляющим семантическую периферию языка, обычно сопутствует достаточно определенная лексико-семантическая или синтаксическая несвободность (Shvedova, Lopatin 162).

Из анализа отдельных функций падежных форм вытекает, что синтаксические функции падежей следует принципиально отделить от всех остальных. Синтаксические функции падежей считаются свободными, грамматическими (Isachenko 137). В современных славянских языках падежные формы сочетают в себе синтаксические функции с функциями несинтаксическими (адвербиальными, лексическими). Е. Курылович указал на то, что в одних падежах эти синтаксические функции являются первичными, в других – вторичными (Kuryłowicz 31).

Винительный падеж занимает, как известно, особое место в системе падежей. Он употребляется только в сочетании с глаголами. Основной и типичной его функцией является выражение **прямого объекта** при переходных глаголах (ср.: *читать книгу, писать письмо, строить дом, изучать теорию, шить платье*) или в сочетании с предикативом (ср.: *Мне жаль сестру, Отсюда видно гору, Нам слышно голоса*). Элемент объектного значения, заключенный в самой форме, сохраняется и в тех случаях, когда в предложении, сообщаящем о состоянии, винительный падеж приобретает субъектное значение (ср.: *Больного знобит, Голову больно, Его преследует неудача, Рабочих не устраивает ждать*). Винительный падеж не входит в состав приименных сочетаний (ср.: *рубить дрова > рубка дров, читать книгу > чтение книги*). После переходных глаголов с отрицанием винительный падеж может заменяться родительным (ср.: *Не прожили и недели, Не прошли и пяти километров, Не спит ночей*).

Винительный прямого объекта восходит к индоєвропейскому праязыку и находит себе соответствие во всех индоєвропейских языках. Уже в древнейшие засвидетельствованные периоды истории индоєвропейских языков винительный падеж все более и более специализируется как падеж прямого дополнения при переходном глаголе. Процесс этот связан с оформлением категории глагольной транзитивности и с перестройкой всей залоговой системы. Характерные для древних индоєвропейских языков более широкие возможности управления глаголов винительным падежом и значительная текучесть граней между транзитивным и интранзитивным употреблением глаголов в дальнейшем сменяются более строгой системой управления глаголов, требующих прямого дополнения в винительном падеже (Shakhmatov 326–327; Desnickaya).

Все остальные функции винительного падежа считаются периферийными и относятся к **адвербиальным**; они являются замкнутыми в строгие лексические рамки значения меры времени (ср.: *работать весь день, проспать всю ночь, прожить целую неделю, ждать год, проехать сотню километров*), расстояния, веса, цены (ср.: *бежать километр, весить тонну, стоить крону*), кратности (ср.: *болеть каждую осень, повторять сотый раз*). Здесь винительный падеж не является приглагольным в том смысле, что он не зависит от глагола, и является, таким образом, адвербиальным употреблением падежа (Vinogradov 142).

В **древнерусском** языке сочетания слов и синтаксические связи их в предложении отличались по сравнению с современным русским языком. Особенно заметны эти отличия в такой синтаксической связи, как **управление**. В процессе развития языка, его синтаксических средств, происходят значительные изменения некоторых падежей и предложно-падежных форм, вызванных стремлением языка к большей четкости выражения определенных отношений. Падежи без предлогов были в отдаленной древности значительно более

семантичними (адвербіальними). Поступенно суживался об'єм отношеий, виражених формами падежей без предлогов. Десемантизація проходила нерівномірно у різних падежів, представляючи на самому ділі їх медленну синтаксизацію. Вона викликала з течією часу потребу сигналізувати деякі конкретні (адвербіальні) значення уже не одним тільки падежом, а предлогом + падежом. Таким чином, беспредложні форми почали витіснятися формами з різними предлогами (Stetsenko 97; Mrázek, Popova 91).

Праславянський мовний і пізніше – окремі слов'янські мови успадкували від індоєвропейської системи падежів, в яку винительний падеж входив раніше за все як падеж прямого об'єкта. Це властиво і східнослов'янським мовам на всьому протязі їх розвитку (Stanisheva, “Vinitel'nyi padezh...” 30). На матеріалі російської мови можна показати специфічні особливості винительного падежа об'єкта. З точки зору розподілу в плані синтагматическому для винительного падежа прямого доповнення характерно використання виключно з перехідними дієсловами: перехідний дієслово в поєднанні з винительним падежом набуває смислової завершеності тільки при наявності вказівки на об'єкт.

Дієслово, виражаючи дію і стан суб'єкта, потребувало в граматических засобах для подальшого розкриття його змісту і уточнення його значення. Таким засобом спочатку були падежні форми, які виникли в найдавнішу епоху розвитку індоєвропейських мов в відповідь на певні потреби і представляли собою основу граматического будови імен в той час. Вони призначені були уточнювати і характеризувати дію, виражену дієсловом. Ці потреби не залишалися незмінними в часі багатьох століть. Падежні засоби приймають на себе всі нові і нові функції і з течією часу вони стали перевантаженими різними значеннями. Виникло невідповідність падежних засобів мови потребам, які вони повинні задовольняти в процесі досягнення взаєморозуміння.

Возможність утворення і розширення предложних будов стало неминучим, оскільки вдосконалення граматическої системи імен шляхом подальшого закріплення нових виниклих в практиці спілкування значень за успадкованими падежними граматическими засобами стало неможливим. З течією часу предложні будови стали більш точно і більш диференційовано позначати функції, раніше виконували переважно простими падежними формами, оскільки на цій стадії розвитку система мови багатіла можливостями, яких у неї раніше не було (Lomtev, “Iz istorii sintaksisa...” 46–47; Stanisheva “Nekotorye voprosy istoricheskogo sintaksisa...”).

В пам'ятниках писемності російської мови винительний падеж об'єкта представлений багаточисленними і різноманітними прикладами. Основне значення доповнення – це **об'єктність дії** **або стану**. Доповнення входять в словосполучення, виражаючи об'єктні відносини. Ці словосполучення будуються на синтаксических зв'язках управління. Найбільш типовою групою доповнень є приглагольні доповнення. Пряме доповнення, виражене формою винительного падежа без предлога і використовуються при перехідних дієсловах, позначає об'єкт, на який безпосередньо направлено дію (Krysko 123–124).

Ср.: *А князи сами на себе крамолу коваху* (Сл. о. п. Иг.); *Игорь пълкы заворачает ...* (Сл. о. п. Иг.); *И бы вода велика въ Волхове и въсюде, сено и дрова разнесе* (Новг. лет.); *Постави Семень Климович церковь камену на воротехъ от Прусской улицы* (Новг. лет.); *Того же лета взяша болгары Муром* (Моск. лет.); *А грамоту писал Ивашко Выпусковъ* (Дан. 1430 г.); *Се яз, раба божия Марья, пишу грамоту душевную целым своим умом* (Дух. 1440 г.).

Прямое доповнение, вираженное винительным падежом беспредложным, имели в древнерусском языке глаголы физического перемещения и воздействия. К таким глаголам относятся, например, *воевати, мьстити, шествовати* (Krysko 129–133).

Ср.: *Поча Олегъ воевати деревяны* (Пов. вр. лет.); *...отмьстити кровь христьянскую* (Нов. лет.); *Кого ради путь сий горький шествую* (Печ. пат.).

При глаголах познания, сообщения, думания, чувствования употреблялся винительный беспредложный, выражая как прямое, так и косвенное доповнение.

Ср.: *И ть исповеда имь всю силу ихъ* (Ип. лет.); *Се бо готския красныя девы ... поють время Бусово* (Сл. о. п. Иг.).

А. А. Потемня объяснял такое употребление винительного падежа без предлога тем, что древнерусское сочетание типа *слышати новость* обозначало одновременно и „слышать новость”, и „слышать про новость”, но различные виды объектов еще не имели своего способа выражения (Yanovich 258).

Сказуемое, вираженное перехідним дієсловом з отрицанням, могло мати при собі пряме доповнення в формі родительного падежа (Krysko 221).

Ср.: *А Игореву храброго пълку не кресити* (Сл. о. п. Иг.); *Тьгда цесарь Ольга, узрьевъ пламень, не отвори брани противу имь* (Новг. лет.); *И стояша подь городомъ неделю, но города не взяша* (Новг. лет.); *А писци мои техъ ихъ земель и людей и варницъ не пишут* (Жал. гр. 1450 г.).

Круг глаголов, при которых употреблялся винительный падеж без предлога для обозначения объекта действия, был в древнерусском языке значительно шире. Это были прежде всего глаголы чувства, мысли, речи. Эти глаголы в древнерусском языке управляли и предложной формой (*о* + местный падеж, *про* + винительный

падеж в значенні непрямого об'єкта), причем строгой дифференциации этих двух объектов древнерусский язык не знал: как уже было сказано выше, винительным падежом выражался не только объект прямой, который испытывает на себе действие субъекта, но и непрямо́й объект, который не испытывает на себе действие субъекта, но который находится лишь в сфере интересов субъекта. В современном русском языке строго различается объект прямой и непрямо́й, ср.: *слышать песню, узнать счастье* × *слышать о песне, узнать о счастье*; в первом случае объект имеет непосредственную связь с субъектом. Эту связь осуществляет глагол: глагол выражает действие субъекта, которое имеет назначением и целью прямо́й объект, с которым субъект через действие, выраженное глаголом, имеет прямое общение и связь. Во втором случае объект не имеет непосредственной связи с субъектом, глагол не имеет назначения установить такую связь. Глагол выражает действие субъекта, которое имеет назначение ввести объект в поле интересов субъекта. В древнерусском языке винительный беспредложный употреблялся и в таких случаях, в каких современный язык допускает только предложную форму или какую-нибудь другую замену винительного (Lomtev, "Iz istorii sintaksisa..." 57–58).

В дальнейшем происходила логико-семантическая дифференциация беспредложного и предложного винительного падежа, а также вытеснение беспредложного винительного формой других косвенных падежей предложных и беспредложных (ср.: *воевати кого* > *воевать с кем, мьстити кого* > *мстити кому, слышати что* > *слышать о чем // слышать про что*). Предложно-падежная форма объекта при глаголах познания, сообщения встречается уже в древнерусских памятниках, ср. *Слышахъ о тебе* (Пов. вр. лет). С XIV в. дополнение в форме местного падежа с предлогом *о* при глаголах рассматриваемого типа уже последовательно употребляется (особенно в деловой письменности, которая была более близка к живой речи (Borkovskii, Kuznetsov 435). Минская русистка Е. И. Янович добавляет, что в романе в стихах „Евгений Онегин” А. С. Пушкина еще засвидетельствованы такие конструкции, как *Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль* (Yanovich 259).

Расширение употребления косвенных дополнений за счет прямых не исключало и обратного развития – замены косвенных дополнений прямыми. Это, например, имело место при глаголах, обозначавших внутренние переживания и чувствования (ср.: *судить кому* > *судить кого, ругати кому* > *ругать кого*). Причину изменения глагольного управления в каждом конкретном случае установить трудно, хотя в общем можно считать несомненным, что причина лежит в изменении семантики глаголов. Предполагается также и влияние синтаксической аналогии на изменение глагольного управления. Например, изменение управления глагола *одолеи (кому, чему)* с дательного падежа на винительный произошло, очевидно, под влиянием синонимичного глагола *победити (кого, что)*, который исконно управлял винительным, ср.: *одолеи врагу* > *одолеть врага* (Yanovich 259).

Кроме обозначения прямого дополнения винительный беспредложный падеж употреблялся в **обстоятельном** значении.

Конструкции с беспредложным винительным падежом могли обозначать действие, занявшее **часть времени** (Krysko 73–76; Žaža).

Ср.: *Азь утро послю по вы* (Пов. вр. лет); *Осень умре полочевський князь* (Пов. вр. лет); *Не прихожаши зять по невесту, но приводяху вечерь* (Пов. вр. лет); *А в Русу ти, княже, ездити осень, а в лето не ездить* (Дог. гр. Новг. 1266 г.); *Вечерь вниде въ хлевину* (Жит. Феод. Печ.).

Далее эти конструкции могли обозначать действие, занявшее **весь период времени** (Krysko 77–79; Žaža 2009).

Ср.: *И седеша новгородци бес князя 9 месяц* (Новг. лет.); *Бысть тишина все лето* (Новг. лет.); *Иде Волховъ вспять дни пять* (Новг. лет.); *Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы* (Сл. о п. Иг.); *И тутъ жиль есмь месяц* (Жит. Феод. Печ.); *Горе ночь и весь день* (Лавр. лет.).

Группа слов, употреблявшихся без предлога, была ограниченной: *утро, день, вечерь, месяц, ночь, весна, лето, осень зима* (Borkovskii, Kuznetsov 436).

Дальнейшая судьба этих конструкций была неодинаковой. Конструкции, обозначающие действие, занявшее весь период времени, в современном русском языке сохранились, ср.: *Он проспал всю ночь, Целый час я вас ждал, Целый день он просидел над конспектами, Всю зиму он занимался разными видами спорта, Он помолчал минуту*.

Употребление винительного времени со значением действия, занявшего часть времени, значительно сократилось. Винительный падеж с этой семантикой засвидетельствован лишь с определением *каждый*, ср.: *Каждый вечер я слушаю радио, Каждое лето мы отправляемся в экспедицию* (Stetsenko 102).

Впоследствии произошла дифференциация этих временных оттенков значения путем введения предлогов *въ, на* для указания конкретного времени действия. Этот процесс отражен в древнерусских памятниках.

Ср.: *Въ то же лето ... приде Всеволод* (Новг. лет.); *А на осень преставися Ольгъ* (Новг. лет.).

Как было указано выше, беспредложная конструкция употребляется в том случае, если действие охватывает весь период времени.

Весьма ограниченным было употребление беспредложного винительного для обозначения **места** (Žaža). Конструкции обстоятельств места в древнерусском языке в большей мере, чем обстоятельств времени,

соответствуют современному. Для обозначения *пункта, к которому направлено движение*, засвидетельствован винительный без предлога при глаголах движения (ср. лат. *ire Romam*).

Ср.: *Глебъ же вниде Черниговъ* (Пов. вр. лет); *Людие же бежаша внешний градъ* (Пов. вр. лет); *Подступили Констентинъ градъ* (Ип. лет.).

Эта же форма употреблялась для обозначения *движения через определенное пространство* (Krys'ko 54).

Ср.: *Хоцю бо, рече, копие преложити конецъ поля Половецкаго* (Сл. о п. Иг.); *Князь Мстиславъ Галицкии пребродися Днепръ* (Сузд. лет.); *Пробеже Лядскую землю* (Ипат. лет.); *Перевезся реку* (Ипат. лет.).

Следует отметить, что употребление беспредложного винительного места было в древнерусском языке ограниченным и в последующей истории языка беспредложные конструкции заменялись предложными – с предлогами *в, через* (ср.: *вошел в Чернигов, переправился через Днепр*). Употребление некоторых из них известно уже древнерусскому языку, ср.: *Вниде Вячеславъ въ Переяславль* (Пов. вр. лет). Большинство предлогов, которые употреблялись с винительным падежом, стояли и при других падежных формах. Исключительно с винительным падежом употреблялись предлоги *про, сквозь, черезъ*.

В современном русском языке остатки такого бывшего употребления беспредложного винительного падежа отражаются в наречных выражениях, ср.: *иди вон, ступай прочь* < древнерусск. *гряди вънъ, иди проче* (Lomtev, "Iz istorii sintaksisa..." 57).

В заключение можно сказать, что в древнерусском языке были широко распространены беспредложные конструкции. В ходе исторического развития языка они были в большинстве случаев вытеснены предложными, которые стали более точно и дифференцированно обозначать функции, выполнявшиеся прежде преимущественно падежными формами.

Примечание:

По соображениям типографского характера в древнерусских иллюстративных примерах заменяются некоторые буквы кириллицы буквами, имеющимися в современной азбуке, в связи с тем, что вполне аутентичные формы букв не имеют решающего значения для проводимого лингвистического анализа. Так вместо *ятя* и *прейотированного е* пишется *е*; вместо *юсов* и *прейотированного а – я, ю;* вместо *фиты* – *ф*, вместо *оу – у*.

References

Bauer, Jaroslav, and Roman Mrázek and Stanislav Žaža. *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba (Handy grammar Russian for Czechs II. The Syntax)*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979. Print.

Borkovskii, Viktor Ivanovich, and Petr Savvich Kuznetsov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka (Historical Grammar of the Russian Language)*. Moskva, AN SSSR, 1963. Print.

Desnitskaya, Agniya Vasilievna. "K voprosu o proiskhozhdenii vinitel'nogo padezha v indoevropeskikh yazykakh (On the question of the origin of the accusative in indo-european languages)". *Izvestiya Akademii nauk (seriya literaturny i yazyka)* 1947: 6, 493-499. Print.

Havránek, Bohuslav (ed.). *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví (Handy grammar Russian for Czechs I. Phonology and morphology)*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1976. Print.

Isachenko, Aleksandr Vasilievich. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka. Chast pervaya (Grammatical structure of the Russian language. Part of the first)*. Bratislava: Slovenská akademie věd, 1956. Print.

Krys'ko, Vadim Borisovich. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka. Ob'ekt i perekhodnost' (An historical syntax of the Russian language. Object and transitoriness)*. Moskva: Izdatel'skii centr "Azbukovnik", 2006. Print.

Kuryłowicz, Jerzy. "Le problème du classement cas (The problem of case classification)". *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego IX* (1949): 20-43. Print.

Lomtev, Timofei Petrovich. *Iz istorii sintaksia russkogo yazyka (From the history of Russian language syntax)*. Moskva: Gosudarstvennoe pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1954. Print.

Lomtev, Timofei Petrovich. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka (Essays on the historical syntax of the Russian language)*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1956. Print.

Mrázek, Roman, and Galina Vladimirovna Popova. *Historický vývoj ruštiny (The historical development of Russian)*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1988. Print.

Obnorskii, Sergei Petrovich. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda (Essays on the history of the Russian literary language of the older period)*. Moskva-Leningrad: AN SSSR, 1946. Print.

Shakhmatov, Aleksei Aleksandrovich. *Sintaksis russkogo yazyka (The syntax of the Russian language)*. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1941. Print.

Shvedova, Natalia Yulievna (ed.). *Russkaya grammatika I-II (Russian grammar I-II)*. Moskva: Nauka, 1980. Print.

Shvedova, Natalia Yulievna, and Vladimir Vladimirovich Lopatin (ed.). *Russkaya grammatika (Russian grammar)*. Moskva: Russkii yazyk, 1990. Print.

Stanisheva, Dina Sergeevna. "Nekotorye voprosy istoricheskogo sintaksisa padezhey slavyanskikh yazykov (Some of the question the historical syntax of the falls Slavic languages)". *Slavistychen sbornik. 1. Ezikoznanie*. Sofiya: Izdanie na B'lgarskata Akademiya na naukite, 1958: 13-31. Print.

Stanisheva, Dina Sergeevna. *Vinitel'nyi padezh v vostochnoslavjanskikh yazykakh (Accusative in Eastern Slavic languages)*. Sofiya: Izdatel'stvo Bolgarskoj Akademii nauk, 1966. Print.

Vinogradov, Viktor Vladimirovich. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove (The Russian language. Grammar teaching of the word)*. Moskva: Vysshaya shkola, 1972. Print.

Yakobson, Roman. "Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre (Contribution to the general case teaching)". *Travaux le cercle linguistique de Prague* 6 (1936): 240–288. Print.

Yanovich, Elena Ivanovna. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka (Historical grammar of the Russian language)*. Minsk: Izdatel'stvo Universitetskoe, 1986. Print.

Žaža, Stanislav. "Der adverbiale Akkusativ im Griechischen, Lateinische und Altrussischen (The adverbial accusative in Greek, Latin and old Russian)". *Early european languages in the eyes of modern linguistics*. Brno: Masaryk University, 2009. 359–367. Print.

List of Sources

Дан. 1430 – Dannaya knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Troice-Sergievu monastyru na ego Dmitrievu "kuplyu". *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii severo-vostochnoy Rusi kontsa XIV–XV vv.* Moskva: AN SSSR, 1952.

Дог. гр. Новг. 1266 – Dogovornaya gramota Novgoroda s tverskim velikim knyazem Yaroslavom Yaroslavichem. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova.* Moskva – Leningrad: AN SSSR, 1949.

Дух. 1440 г. – Dukhovnaya Marii Petelinoy. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii severo-vostochnoy Rusi. T. 1.* Moskva – Leningrad: AN SSSR, 1940.

Жал. гр. 1450 г. – Zhalovannaya tarkhannaya, nesudimaya i oborochnaya gramota velikoy knyagini Sofii Vitovtovny Troitse-Sergieva monastyra igumenu Martinianu na varnitsy. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii severo-vostochnoy Rusi. T. 1.* Moskva – Leningrad: AN SSSR, 1940.

Жит. Феод. Печ. – Zhitie prepodobnogo otca nashogo Feodosiya, igumena Pecherskogo, spisanie Nestora po kharakternomu spisku moskovskogo Uspenskogo sobora. *Chteniya obshchestva istorii i drevnostei rossiyskikh pri Moskovskom universitete.* Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1879.

Ипат. лет. – *Letopis' po Ipatievskomu spisku.* Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Arkhangel'skoi komissii, 1871.

Лавр. лет – Lavrentievskaya letopis', 1377 g. *Polnoe sobranie russkikh letopisey I.* Leningrad: AN SSSR, 1926.

Моск. лет. – *Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka.* Moskva – Leningrad: AN SSSR, 1949.

Новг. лет. – Novgorodskaya pervaya letopis' po sinodal'nomu spisku. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov.* Moskva – Leningrad: AN SSSR, 1950.

Печ. пат. – *Kievo-pecherskii paterik po drevnim rukopisiam.* Kiev: Tipografiya Kievo-Pecherskiya Uspenskiya Lavry, 1909.

Пов. вр. лет – *Povest' vremennykh let po Lavrentievskoi rukopisi 1379 g. Chast' pervaya.* Moskva – Leningrad: AN SSSR, 1950.

Сл. о п. Иг. – *Slovo o polku Igoreve.* Moskva: AN SSSR, 1950.

Сузд. лет. – *Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku. Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1.* Leningrad: AN SSSR, 1928.

Надійшла до редакції 24 вересня 2017 року.

THE FUNCTION OF THE RUSSIAN NON-PREPOSITIONAL ACCUSATIVE IN THE BACKGROUND OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Aleš Brandner

Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Masaryk University, Brno, Czech Republic

Abstract

Background: Phrases and their syntactic meanings in Old Russian were very different from contemporary language. In the course of the historical development there were shifts of meaning of some case. These changes were caused by the attempt of the language to express certain relations in a more accurate way. Expressing of certain meanings by simple, non-prepositional cases was gradually receding; simple cases were replaced by prepositional cases. Meanings which is expressed in contemporary Russian by means of the accusative constructions represents a very varied and complex subject. Historical study of accusativ form's use enables us to hypothesise their original semantics.

Purpose: Within the case of Russian the accusative occupies a special position. It is used in connection with verbs only. Exploring the language material from old and contemporary Russian we will demonstrate specific features of the operation of accusative as direct object in the course of historical development.

Results: Expression of a direct object of transitive verbs or predicates is a basic and primary function of the accusative. All other functions are adverbial and they are considered secondary. The accusative of a direct object is rooted in Indo-European language. Ancient Slavonic language and later individual Slavonic languages inherited a system of cases where the accusative had represented a function of a case of a direct object from Indo-European language. Using material from Russian language it is possible to emphasise specific peculiarities of the accusative functioning as an object. The accusative with this meaning is exemplified with numerous instances in Ancient Russian

manuscripts. A direct object expressed with a simple accusative of transitive verbs describes most often an object which represents aim of the action. A range of verbs with which a non-prepositional accusative appeared to mark an object to which an action is aimed was much wider in Ancient Russian language. There were verbs conveying meaning of feelings, thinking and speaking in this group. These verbs could be also accompanied with a prepositional construction in Ancient Russian. Ancient Russian language did not strictly differentiate occurrences where the accusative expressed a direct object, on which an action of a subject was focused, and when it is an indirect object, on which an action of a subject is not focused but it was located in area of its interest. Contemporary Russian language distinguishes direct and indirect object. In Ancient Russian language a simple, non-prepositional accusative was used also in such instances where contemporary Russian language permits only constructions with a preposition.

Simple, non-prepositional accusative was also used in its adverbial sense for marking time and place in Ancient Russian language. It can be stated that Ancient Russian constructions of adverbial of place correspond more with the current state than constructions representing adverbial of time. Nevertheless, it is necessary to emphasise that using a non-prepositional accusative with semantics of place was limited in Ancient Russian language and those constructions were consequently replaced by constructions with prepositions.

Discussion: Non-prepositional constructions were very widespread in Ancient Russian language. Within historical development they were mostly replaced by constructions with prepositions which described functions earlier conveyed by simple cases in more accurate and differentiated way.

Keywords: simple accusative, case system of Russian, direct object, transitive verba, predicative, historical development of Russian

Vitae

Aleš Brandner is a Candidate of Philological Sciences (candidatus scientiarum), a Associate Professor of Department of Slavonic Studies at Faculty of Arts of the Masaryk University in Brno (Czech Republic). He lectures on contemporary and historical grammar of Russian language. His professional focus is a research of historical comparative morphematics of Russian and Czech languages and a survey of developmental tendencies in contemporary Russian language.

Correspondence: brandner@phil.muni.cz

Майя Всеволодова

УДК 81'373.217(23)

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ОБЪЕКТИВНАЯ ГРАММАТИКА И КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Статтю присвячено деяким питанням сучасної граматики в їхньому відношенні до слов'янських мов та у відношенні слов'янських мов до мов інших типів. Сучасний стан функційної граматики, тобто граматики, пов'язаної не лише з виокремленням і описом одиниць і виділених у граматиці категорій, але й із їхнім функціонуванням у живому мовленні, у спілкуванні, демонструє необхідність зміни погляду на сам статус Мови як структури світобудови, що дає змогу вийти на систему Мови взагалі та кожної конкретної мови зокрема.

Ключові слова: об'єктивна граматика, граматика прийменника, функціонально-комунікативна лінгводидактична модель мови, категорія граматикалізації.

Исследования в русском языке в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка (РКИ) и в рамках межславянского проекта исследования предложных единиц – очень разные по своей направленности и содержанию модели, – тем не менее, выявили один интересный аспект современной лингвистики, в том числе и славистики. Это необходимость изучения любого языка во всей его полноте, не ограничиваясь так называемой нормой, которая в любом языке в разных своих аспектах меняется даже на протяжении жизни одного человека и научного направления, которое можно было бы назвать «нормативистика».

Наши материалы по предложным единицам в сопоставлении с другими славянскими языками показали, что грамматики предлога пока нет. Интересно, что предложные единицы представляют собой строго категоризованную структуру, по отношению к которой оправдывается определение А.В. Бондарко о двуединстве в языке поля и категории. А сопоставление славянских языков с корейским языком показывает специфичность славянских языков по сравнению со всеми другими известными языками мира в отношении роли актуального членения в предложении-высказывании и позволяет понять некоторые проблемы, связанные с категорией членов предложения. И это вопросы граматикализации – собственно грамматического осмысления далеко не всегда отмеченных в наших грамматиках языковых явлений, часто называемых фразеологизмами.

I. Основы теоретического подхода. Данная статья основана на положениях одной из моделей функциональной грамматики русского языка. Соответственно представим, во-первых, главные положения